

Научная статья
УДК 94(47)+930.2
doi: 10.17223/19988613/90/14

Подходы и методы к изучению дискриминационной кампании «лишенчества» (1918–1936) в трудах советских и российских историков и правоведов

Альбина Алексеевна Кожаева

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск, Россия, a.kozhaeva18@mail.ru

Аннотация. Конституция РСФСР 1918 г. определила начало кампании по лишению избирательных прав групп населения, продолжавшейся вплоть до 1936 г. Статья посвящена анализу трудов советских и российских историков и правоведов, посвященных феномену «лишенчества». Выделены периоды в историографии указанной тематики. Выявляются подходы и методы, применяемые авторами при исследовании статуса «лишенцев», носившего характер социально-правовой дискриминации. Определена степень историографической изученности тематики в различные периоды. Сделан вывод о «стагнации» в изучении проблематики на современном этапе и определены возможные направления дальнейших исследований в данной области.

Ключевые слова: «лишенцы», «лишенчество», историография, РСФСР, СССР

Для цитирования: Кожаева А.А. Подходы и методы к изучению дискриминационной кампании «лишенчества» (1918–1936) в трудах советских и российских историков и правоведов // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 90. С. 130–138. doi: 10.17223/19988613/90/14

Original article

Approaches and methods for studying the discrimination campaign of deprivation of voting rights (1918–1936) in the researches of Soviet and Russian historians and legal scholars

Albina A. Kozhaeva

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation, a.kozhaeva18@mail.ru

Abstract. The aim of the work is to study research on the Soviet campaign to deprive voting rights. The author of the article sets out to determine the extent to which the issue has been studied and to identify existing research gaps. Of particular interest is the classification of approaches and methods used by Soviet and Russian historians and legal experts in analyzing the mentioned electoral discrimination. Using the problem and chronological method, several periods of research on the specified topic are distinguished: works written from practical positions during the existence of the campaign itself; works on the theme of Soviet historians and legal scholars on campaign to deprive voting rights; changes in research approaches on the specified topic during the 1990s – early 2000s; the current state of the problem. The identification of these periods is associated with the dynamics of the socio-political conditions in the country, which influenced the evaluations of the state policy in the sphere of discrimination and repression during the Soviet era.

Throughout the historiographical history of this campaign, approaches and methods of its study have changed significantly. Starting from the late 1980s, historians and legal scholars have found a place in their works to study the mechanisms and practices of its implementation. However, despite a fairly significant number of works on the topic of deprivation of voting rights, it should be noted that there are few works dedicated to the social and legal discrimination. Thus, the establishment of limitations associated with this rarely appears in the works of researchers. It is also worth noting that sources reflecting the view of persons deprived of voting rights on their discriminated position are often used by authors only to illustrate provisions formulated in other sources included in the personal file (references, cards, protocols of decisions of electoral commissions). Therefore, the campaign of deprivation of voting rights undoubtedly requires further study, but researchers need to focus on finding new methods and approaches that allow for a more detailed examination of behavioral practices and the socio-legal status of the discriminated.

Keywords: persons deprived of voting rights, deprivation of voting rights, RSFSR (Russian Soviet Federative Socialist Republic); USSR (Union of Soviet Socialist Republics)

For citation: Kozhaeva, A.A. (2024) Approaches and methods for studying the discrimination campaign of deprivation of voting rights (1918–1936) in the researches of Soviet and Russian historians and legal scholars. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 90. pp. 130–138. doi: 10.17223/19988613/90/14

Введение

Большевики, оказавшись у власти после октябрьских событий 1917 г., начали трансформацию всей структуры государственно-политического и общественного устройства. Для этого использовались различные механизмы: от частичной адаптации существующих институтов до полного их разрушения. Не являлась исключением и избирательная система, ставшая инструментом воздействия большевиков на социальное переустройство постреволюционного общества.

Отстранение от участия в выборах практиковалось и в Российской империи за счет реализации принципов куриальных и многоступенчатых выборов, а также наличия имущественного, гендерного и повышенного возрастного цензов. Избирательный закон 1907 г. ограничил избирательные возможности крестьян и рабочих, одновременно предоставив широкий круг возможностей в этой сфере зажиточной части населения. Лидер кадетов П.Н. Милюков в своих воспоминаниях определял следующую цель, которую преследовала власть, принимая указанный закон: «По самой идее третьей Думы, в ней не должна была предполагаться наличность оппозиции. И на выборах правительство все сделало, чтобы ее не было. Избирательные коллегии тасовались так, чтобы надежные выборщики майоризировали ненадежных. Нежелательные элементы и “нелегалитированные” партии преследовались местными властями, не допускались к участию в выборах и т.д.» [1. С. 577].

Несмотря на то, что проходившие в ноябре 1917 г. выборы в Учредительное собрание осуществлялись еще в полном соответствии с принципом всеобщности согласно «Положению о выборах в Учредительное собрание» [2. Ст. 612–614], последующий разгон его большевиками означал наступление избирательных нововведений при выборах в Советы всех уровней. В подготовленной В.И. Лениным «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа» утверждалось, что «эксплуататорам не может быть места ни в одном из органов власти» [3. Ст. 215]. Заявленные ограничения стали частью реальной практики с принятием 10 июля 1918 г. на четвертом заседании V Всероссийского съезда Советов Конституции РСФСР.

Основной Закон государства конституционно оформлял существование двух социально-правовых групп: лица, имеющие права избирать и быть избранными, а также лица, лишённые таковых. В первую группу входили те, кого власть относил к трудящимся. Под это определение попадали: лица, не использующие наемный труд и добывающие средства к жизни производительным и общественно полезным трудом; солдаты Красной Армии и флота; утратившие трудоспособность [4. С. 28]. Одновременно с этим 65-я статья Конституции определила семь категорий лиц, лишённых избирательных прав: а) лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли; б) лица, живущие на нетрудовой доход (проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества и т.п.); в) частные торговцы, торговые и коммерческие посредники; г) монахи и духовные служители церквей и ре-

лигиозных культов; д) служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений, а также члены царствовавшего в России дома; е) лица, признанные в установленном порядке душевнобольными или умалишенными, а равно лица, состоящие под опекой; ж) лица, осужденные за корыстные и порочащие преступления на срок, установленный законом или судебным приговором [4. С. 29]. Кроме того, широкая формулировка 23-й статьи Конституции предусматривала возможность лишать избирательных прав лиц, использующих их «в ущерб интересам социалистической революции» [4. С. 24]. Таким образом, центральным критерием социальной стратификации становилась трудовая обязанность. Лозунг «Не трудящийся, да не ест!» [4. С. 24] нашел свое конституционное закрепление.

Дискриминационная политика советского государства в данной области достигла наибольшей силы в конце 1920-х гг. за счет одновременного расширения числа «лишенцев» и количества сопутствующих ограничений в их повседневной жизни. Так, число «лишенцев» увеличилось с 1 040 894 человек в 1926 г. до 3 716 855 в 1929 г. [5. С. 15], а число ограничений к концу 1920-х могло достигать нескольких десятков (увольнения с работы, исключения из учебных заведений, выселения из муниципального жилья и пр.). Социально-правовая дискриминация, определенная большевиками как «временная» и «вынужденная» мера продолжалась 18 лет и завершилась принятием Конституции СССР 1936 г. В то же время указанная практика переросла с конца 1920-х гг. в предпосылку для прямых репрессий и значительно повлияла на социальные процессы в стране и в последующие после 1936 г. годы, трансформировавшись в норму поражения в правах по суду. Однако по ряду причин и к настоящему времени феномен «лишенчества» остается маловостребованной предметной областью для историко-правоведческих исследований.

Цель работы – изучение трудов, в которых исследуется данное направление дискриминационной политики раннесоветского государства. Автор статьи ставит задачу определить степень изученности проблемы и выявить существующие в ней исследовательские лакуны. Отдельный интерес представляет классификация подходов и методов, применявшихся советскими и российскими историками и правоведами при анализе указанной избирательной дискриминации. Используя проблемно-хронологический метод, мы выделяем несколько периодов исследования указанной тематики:

- работы, написанные с практических позиций в период ведения самой кампании;
- работы по тематике «лишенчества» советских историков и правоведов;
- изменение исследовательских подходов в указанной тематике в 1990-е – начале 2000-х гг.;
- современное состояние проблемы.

Выделение указанных периодов связано с динамикой происходивших в стране социально-политических условий, влиявших на оценки государственной политики в сфере дискриминаций и репрессий советской эпохи.

Объяснение целей кампании «лишенчества» в ранних работах советских правоведов и партийных деятелей

Кампания по лишению избирательных прав изначально и на протяжении последующих десятилетий рассматривалась через призму «классового подхода». Появление категорий «лишенцев» в Конституции РСФСР 1918 г. вписывалось в рамки советского государственного строительства. Первыми работами, посвященными советской избирательной системе, создавались не с научными целями, а выступали ответом специалистов-правоведов на запрос о необходимости применения данной правовой дискриминации. Так, в работе большевика М.Ф. Владимирского советская власть признавалась «классовой властью» во главе «рабоче-крестьянским правительством» [6. С. 9]. Именно этим объяснялась невозможность участия в выборах лиц, которые не признавались советской властью трудящимися. В тех же рамках С.М. Бродович, одна из первых предпринявшая попытку классификации избирательных систем, выделила в них три типа: «система открытого классового ценза»; «система ограниченного избирательного права, построенная на основе скрытого имущественного ценза»; «система формально-всеобщего избирательного права» [7. С. 26]. Советскую избирательную систему она относила к последнему типу, говоря о преимуществах всеобщего избирательного права для рабочих. В работе не отрицалось наличие ограничений в избирательной сфере для отдельных категорий граждан, но, по мнению автора, эти ограничения носили «временный или условный характер» [7. С. 36].

Для разъяснения положений Конституции были подготовлены специальные брошюры, первая из которых принадлежала Н.К. Крупской. В ней при сравнении Великой французской и Октябрьской революций добавлялось: «Современные рабочие знают, что для того, чтобы на деле могли осуществиться свобода, равенство и братство, нужно уничтожить разделение общества на классы, уничтожить эксплуатацию человека человеком <...>» [8. С. 5]. Эта цель, по ее мнению, сделала необходимыми 23-ю, 64-ю и 65-ю статьи Конституции, посвященные лишению избирательных прав отдельных категорий граждан. Н.П. Глебов-Авиллов, первый нарком почт и телеграфов, в момент проведения V Всероссийского съезда Советов возглавлявший редакцию газеты «Труд», также подготовил брошюру для граждан с разъяснением положений Конституции. Отмена всеобщих выборов, по его мнению, являлась необходимой в связи с опытом Учредительного собрания, в состав которого с помощью агитации и обмана «прошли враги трудового народа, сегодняшние контрреволюционеры» [9. С. 32]. Читателей брошюры он убеждал, что ограничения в избирательной сфере представляют интересы всех трудящихся: «Рабочие и крестьяне взяли власть не для того, чтобы делить ее с буржуями и кулаками» [9. С. 11].

После принятия в 1924 г. Конституции СССР вновь потребовались работы, объясняющие основные положения государственного устройства. С этой целью была написана и издана работа юриста, профессора Петро-

градского (Ленинградского) университета С.Н. Драницына [10]. Автор стремился на примерах продемонстрировать читателям разницу между «буржуазными» и советскими конституциями, отмечая преимущество советской избирательной системы. По его мнению, широкое избирательное право в Англии нивелировалось предоставлением исключительных прав буржуазии: «Там имеется широкое избирательное право, а в нижней палате общин 3/4 мест предоставлено лордам, землевладельцам, банкирам, хотя рабочий класс составляет большинство населения, и нет совсем крестьянских масс, так как лорды согнали их с земель еще в XVIII веке» [10. С. 175].

Участвовавший в 1918 г. в разработке Конституции Г.С. Гурвич, ставший затем деканом юридического факультета Московского университета, в своей работе «История Советской Конституции», изданной в 1923 г., привел в том числе и собственные воспоминания о работе подкомиссии, занимавшейся разработкой системы избирательного права. Он отмечал трудности соотнесения создаваемой системы с теоретической базой, накопленной на тот момент в юридических науках: «Членам подкомиссии было ясно, что наше избирательное право – не всеобщее, и не цензовое, и не какое-либо другое, а *советское*» [11. С. 45]. «Советское избирательное право» в рамках представлений членов подкомиссии не должно допускать участия в выборах «предпринимателей разных типов и вообще нетрудовые слои населения» [11. С. 43]. Единственный вопрос, который остро стоял тогда перед членами комиссии – есть ли необходимость лишать избирательных прав интеллигенцию (врачи, преподаватели, офицеры и пр.). В итоге было принято решение не включать указанную категорию в финальный текст избирательного раздела. Работа Г.С. Гурвича ценна как источник, позволяющий проследить предысторию возникновения категорий лиц, лишенных избирательных прав.

Таким образом, на первом этапе практического осуществления ограничений в избирательных правах главной целью работ, посвященных избирательной системе, выступало стремление новой власти обеспечить поддержку населения, объяснив ему значение кампании «лишенчества». Именно поэтому все работы, так или иначе описывающие указанную тематику, писались не профессиональными исследователями, а партийной интеллигенцией. В рамках данного подхода теоретические обоснования концепции отстранения от участия в выборах части населения в их трудах поднимались редко.

«Лишенцы» в работах советских исследователей 1950–1980-х гг.

Кампания «лишенчества» в период ее проведения, за исключением работ, обозначенных нами выше, нечасто являлась темой специальных исследований. В тексте Конституции СССР 1936 г., провозгласившей победу социализма в стране, не содержалось информации о лицах, лишенных избирательных прав. После этого тематика «лишенчества» исчезла из работ историков и правоведов и вновь появилась в публикациях советских исследователей в середине 1950-х гг. До конца

1980-х гг. наиболее распространенным подходом в изучении практик «лишенчества» стало включение их в рассмотрение кампаний по осуществлению коллективизации и «раскулачивания». В публикациях советских авторов обоснованность указанной дискриминационной политики не подвергалась сомнению [12–16]. Предпочтение отдавалось изучению отдельных сторон жизни «лишенцев», связанных с советско-марксистской историографической традицией, в рамках которой «лишенцы» вписывались в тематику «трудового перевоспитания представителей эксплуататорских классов». Однако, несмотря на указанные исследовательские ограничения, некоторым авторам удалось сделать существенный шаг вперед и представить интересные материалы по интересующей нас тематике. Так, в изданной в 1972 г. работе известного специалиста по аграрной истории Н.А. Ивницкого впервые обсуждались численность и динамика сельских «лишенцев»: «В 1929 г. их (кулаков. – А.К.) число составило 4,1% от общего количества взрослого сельского населения против 3,6% в 1927 г. В РСФСР в сельской местности избирательных прав были лишены 1 706 025 кулаков, т.е. 3,9% от общего числа избирателей» [17. С. 104]. Автор выделял далее различного рода ограничения в их жизни (невозможность быть членами земельных обществ, обязанность выплачивать повышенные налоги, подвергаться конфискации имущества и выселению и пр.), которые трактовались преимущественно с положительной стороны, но отмечались и нарушения со стороны местных органов власти в ходе осуществления кампании «раскулачивания».

Другим устоявшимся подходом в работах советских исследователей выступало описание кампании «лишенчества» в контексте государственного правового строительства. Но и здесь «лишенцы» упоминались крайне фрагментарно и с явно негативной коннотацией. Дискриминация представителей привилегированного «старого мира» описывалась авторами как естественный и необходимый элемент построения нового общества. Так, в «классической» работе по истории Советской Конституции члена-корреспондента Академии наук СССР Ю.С. Кукушкина и доктора юридических наук О.И. Чистякова авторы писали о советской демократии как о «демократии для трудящихся» [18. С. 8]. В соответствии с этим принципом они делили раннесоветское общество на «трудящихся и эксплуататоров» [18. С. 9], аргументируя необходимость дискриминации последних стремлением большевиков добиться бедняцко-средняцкого большинства в местных советах.

Подводя итог рассмотрению публикаций авторов советской эпохи по проблематике «лишенчества», следует констатировать их полное соответствие концепции классового подхода, оговаривая лишь в отдельных случаях нарушения в практике его осуществления. Иначе говоря, исследователи доказывали объективную обусловленность государственной политики в данной области, не рассматривая собственно условия жизнедеятельности двух поколений граждан страны (отцов и детей), насчитывавших нескольких миллионов человек.

Обновление методологических подходов к проблематике «лишенчества»

С начала 1990-х гг. стали появляться публикации, направленные на изучение дискриминационных практик в послереволюционном обществе. Большое влияние на этот процесс оказало открытие засекреченных архивных документов и материалов. Исследователи получили возможность работать со значительным числом источников, позволяющих реконструировать базовые послереволюционные социально-политические процессы. Кроме того, важным изменением в изучении тематики «лишенчества» стал отказ от прежнего классового подхода при характеристике государственной политики в отношении лиц, лишенных избирательных прав, а сами «лишенцы» перестали восприниматься как деперсонифицированная статистическая категория населения.

Одним из первых исследователей, обратившихся к проблеме «лишенчества» с новых позиций, стал А.И. Добкин [19]. В своей работе, опубликованной в 1992 г., он на доступных на тот момент ему источниках изучил демографический и социальный состав «лишенцев». В статье отрицалась признанная в советской историографии идея о первостепенности политических целей при реализации кампании «лишенчества»: «...в лишении избирательных прав не было и не задумывалось прямого политического смысла (т.е. у большевиков не было реальных причин опасаться поражения на выборах со стороны тех, кто находился у власти до революции)» [19. С. 602]. А.И. Добкин обозначил круг многообразных последствий «лишенчества», связанных с сопутствующими ограничениями в жизни лиц, попавших в дискриминационные списки. Кроме того, вместе со статьей публиковались ходатайства «лишенцев» и доносы на них, позволяющие оценить степень социальной конфронтации в постреволюционной России. В то же время автор статьи мог только наметить дальнейшие направления исследований в данной области.

Свою роль для последующего изучения кампании «лишенчества» в СССР сыграла публикация В.А. Манькина [20], показавшая громадный потенциал использования личных дел «лишенцев» и наметившая возможности дальнейшей разработки темы, связанной с практикой лишения избирательных прав части советского населения.

Существенный вклад в историографию внесла М.С. Саламатова, став одним из первых региональных исследователей проблематики «лишенчества» [21, 22]. Рассмотрению лишения избирательных прав посвящена отдельная глава в монографии М.С. Саламатовой о выборах в СССР [23]. Автор выделила четыре основные процедуры, сопровождавшие лишение избирательных прав (составление списков; рассмотрение жалоб на неправильное лишение; восстановление в правах; учет граждан, лишенных избирательных прав), а также проблемы, связанные с их становлением и эволюцией в раннесоветском государстве. Кроме того, М.С. Саламатова установила прямую последовательность между ужесточением дополнительных ограниче-

ний в жизни «лишенцев» и стремительным увеличением количества подаваемых ходатайств о восстановлении в правах в избирательные органы в конце 1920-х гг.: «Эти ограничения ставили на грань выживания как городских, так и сельских лишенцев, вынудив их активизировать борьбу за восстановление в правах. Количество жалоб увеличилось на всех уровнях – от районных до Центральной избирательной комиссии. В Центризбирком в избирательную кампанию 1928/1929 г. поступило 35 542 жалобы (в 1,6 раза превышало количество жалоб в 1927 г. и в 76 раз – в 1925 г.)» [23. С. 159]. Положение сельских «лишенцев» Сибири М.С. Саламатова проанализировала в соответствующем разделе коллективной монографии, посвященной «прологу» крестьянской ссылки в Западной Сибири в 1930-х гг. [24]. Различные категории сельских «лишенцев» рассмотрены ею на основе материалов Кочковского, Мошковского и Черепановского районов Новосибирского округа. В работе затрагивались проблематика изучения эго-документов «лишенцев», порядок их написания и обращения в институты власти.

Среди региональных исследований также выделяются диссертация [25] и написанная на ее основе монография Д.В. Валуева [26], посвященные «лишенцам» Смоленской губернии и Западной области РСФСР. Автор, используя фактический материал, показал механизм лишения избирательных прав в данных территориальных рамках, уделив особое внимание проблеме взаимоотношений «лишенцев» с различными группами общества и властью. Автор одним из первых предпринял попытку на основе законодательно-нормативных источников определить сопутствующие ограничения в экономической сфере (увольнения, налоговая дискриминация и пр.).

Работы преподавателя Уральского федерального университета А.П. Килина [27, 28] внесли существенный вклад в расширение проблематики «лишенчества» благодаря не только подробному рассмотрению состава отдельных категорий «лишенцев» на основе их личных дел, но и опоре на источники из Государственного архива Свердловской области (ГАСО). Он сумел реконструировать их последующие судьбы как репрессированных, а затем реабилитированных граждан. В том же направлении работал и ряд других уральских историков (Л.Н. Мазур [29], Ю.А. Русина [30] и Л.А. Фофанова [31]), установивших прямой переход правовых дискриминаций с начала 1930-х гг. в одно из оснований для прямых репрессий.

Специалист в области исторической информатики В.И. Тихонов в 1996 г. предложил исследователям варианты работы с личными делами «лишенцев» [32]. В коллективной монографии, написанной при его участии [33], сделана результативная попытка методами информатики раскрыть потенциал массовых источников по лишению избирательных прав жителей Москвы. Авторы создали историческую реконструкцию социального портрета московских «лишенцев», а также рассмотрели стратегии подходов избирательных комиссий при рассмотрении ходатайств «лишенцев». Главным достоинством работы стали разработка и применение источник-ориентированного подхода при

построении баз данных, а также обозначение метода создания электронного вида источников по данной тематике.

В контекст исследования кампании «лишенчества» вписывается и работа Т.М. Смирновой [34], которая посвящена рассмотрению судеб «бывших людей», оставшихся в России после Октября 1917 г. К сожалению, автор ни разу не дала четкого определения указанного термина, включая в него в разных главах интеллигенцию, лиц, живущих на нетрудовые доходы, «кнэпманов», бывших помещиков, бывших служащих, «чуждых» и пр. В одном случае автор указывала, что социальное пространство «лишенцев» пересекается, но не совпадает с пространством «бывших» [34. С. 4], в других случаях использовала выдержки из постановлений и инструкций, касающихся лиц, лишенных избирательных прав, не давая пояснения, как этот материал связан с рассматриваемой группой [34. С. 230–231]. Тем не менее Т.М. Смирнова профессионально подошла к рассмотрению проблемы с позиции макроуровня. Для понимания положения «бывших» автор провела значительную работу по выявлению различных позиций, мнений большевистских руководителей по отношению к проводимой ими политике. Так, автор приводит интересные сведения о дискуссиях между Н. Крупской, Н. Бухариным, Г. Сафаровым и И. Сталиным по вопросу о «сортировке по происхождению» [34. С. 24–27], между Ю. Лариным и И. Смирновым по поводу чистки судов [34. С. 146–149] и др. Особое значение имеет пятая часть монографии, в которой Т.М. Смирнова впервые в отечественной историографии раскрыла комплекс социальных проблем, оказывающих влияние на детей «бывших».

Настоящее состояние изучения тематики: исследовательская «стагнация»

Исследовательский пик в разработке данной проблематики, пришедшийся на 1990-е – первое десятилетие 2000-х гг., в последующее время спал, и наступила стадия «стагнации», которая, как нам представляется, продолжается до настоящего времени. Исследователи все реже обращаются к тематике «лишенчества», при этом, что наиболее важно, авторы почти не предлагают новых подходов и методов для изучения указанной дискриминационной кампании. В некоторых случаях даже происходит обратное движение – к подходам, распространенным в работах советских историков. Так, в отдельных статьях можно встретить традиционно принятое у советских исследователей отождествление терминов «лишенец», «кулак», «эксплуататор» при рассмотрении массовой кампании «раскулачивания» [35, 36].

Несомненным закреплением достигнутого ранее является продолжение расширения территориальных рамок исследования. Вновь пришедшие в данную предметную область историки обращаются к региональным материалам для анализа практики реализации кампании [37–41]. Однако авторы, углубившись в изучение «особенного», упускают из внимания «общее». Сейчас описание кампании «лишенчества» в конкретных ре-

гионах становится более полной фактологически, нежели с позиций понимания ее функционирования в контекстном формате. Историки не стремятся учитывать опыт своих коллег и сравнивать проведение кампании в собственном регионе и соседних с ним.

Некоторая динамика наблюдается в исследовании конкретных категорий «лишенцев». Заметным методическим изменением последних лет является не увеличение работ, посвященных всем дискриминированным категориям сразу (распространенный подход прошлых периодов), а акцентирование внимания на одной или нескольких из них [42–44]. Данная практика представляется достаточно перспективным направлением в исследовании указанной тематики, поскольку поведенческие практики «лишенцев» и аргументация в их ходатайствах могли зависеть в том числе и от конкретной категории правовой дискриминации.

Однако методический поворот в обращении вглубь анализа жизнедеятельности самих разнообразных категорий «лишенцев» не подкреплен методологическими подходами на макроуровне, что позволило бы более рельефно реконструировать место и значение данной

дискриминации в общих процессах социальной трансформации в раннесоветском обществе.

Заключение

На протяжении всего историографического процесса изучения кампании «лишенчества» подходы и методы ее исследования существенно менялись. С начала 1990-х гг. историки и праведы нашли в своих работах место для анализа механизмов и практик ее реализации. В то же время при значительном количестве работ по тематике «лишенчества» следует отметить малочисленность публикаций, посвященных не только правовой, но и социальной, политической, культурной дискриминации «лишенцев». Так, фиксация сопутствующих этому ограничений редко присутствует в работах исследователей. Таким образом, кампания «лишенчества», несомненно, требует дальнейшего изучения, однако исследователям необходимо сосредоточиться на поиске новых методов и подходов, позволяющих детальнее рассмотреть поведенческие практики и социально-правовое положение дискриминированных.

Список источников

1. Выборы в I–IV Государственные думы Российской империи : (воспоминания современников; материалы и документы) / под ред. А.В. Иванченко. М. : РЦОИТ, 2008. 860 с.
2. Собрание узаконений и постановлений, издаваемое при Правительствующем Сенате. 1917. № 111.
3. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. 1917–1918. № 15.
4. Конституции и конституционные акты РСФСР (1918–1937) / под общ. ред. А.Я. Вышинского. М. : Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1940. 298 с.
5. Красильников С.А. На изломах социальной структуры: маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917 – конец 1930-х годов). Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 1998. 91 с.
6. Владимирский М.Ф. Организация советской власти на местах. М. : Гос. изд-во, 1921. 146 с.
7. Бродович С.М. Советское избирательное право. Л. : Гос. изд-во, 1925. 132 с.
8. Крупская Н.К. Конституция Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. М. : Издательство ВЦИК Советов р., с., к. и к. депутатов, 1918. 16 с.
9. Глебов-Авилов Н.П. Наш основной закон: разъяснение Конституции Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. М. : Изд-во Всерос. Центр. Исполнит. Ком. Советов Р. С. Кр. и К. Депутатов, 1918. 40 с.
10. Драницын С.Н. Конституция СССР и РСФСР в ответах на вопросы. Л. : Прибой, 1924. 233 с.
11. Гурвич Г.С. История Советской Конституции. М. : Изд. Социалистической акад., 1923. 216 с.
12. Беляков Г.Е. Из истории советского строительства в Таджикистане (избирательная кампания 1930–1931 гг.) // Известия АН Таджикской ССР. Отделение общественных наук. 1965. № 1. С. 26–34.
13. Ким А.И. Первая советская конституция и принцип всеобщих выборов для трудящихся // Труды Томского государственного университета им. В.В. Куйбышева. Сер. юридическая. Т. 127: Сборник работ юридического факультета / отв. ред. А.П. Бунтин. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1956. С. 3–38.
14. Ким А.И. Советское избирательное право : вопросы теории избирательного законодательства и практики его применения. М. : Юрид. лит., 1965. 212 с.
15. Морозов Л.Ф. Решающий этап борьбы с нэпманской буржуазией (1926–1929 гг.). М. : Изд-во ВПШ и АОН, 1960. 103 с.
16. Филимонов В.Г. Первая советская Конституция. М. : Госюриздат, 1960. 77 с.
17. Ивницкий Н.А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. М. : Наука, 1972. 360 с.
18. Кукушкин Ю.С., Чистяков О.И. Очерк истории Советской Конституции. М. : Политиздат, 1980. 160 с.
19. Добкин А.И. Лишенцы: 1918–1936 гг. // Звенья. Исторический альманах. М. ; СПб. : Феникс : Atheneum, 1992. Вып. 2. С. 600–628.
20. Манькин В.А. Личные дела лиц, лишенных избирательных прав: исследовательские перспективы и возможности // Источниковедение XX столетия : тез. докладов и сообщений науч. конф., 28–30 января 1993 г. / отв. ред. В.А. Муравьев. М., 1993. С. 136–137.
21. Саламатова М.С. Лишение избирательных прав в Новосибирске в 1927–1936 гг. // Корни травы : сб. ст. молодых историков. М. : Звенья, 1996. С. 9–23.
22. Саламатова М.С. Краткий обзор массовых источников, содержащих сведения о лишенных избирательных прав (1926–1936) // Материалы к семинарам-тренингам : сб. материалов для участников партнерской сети проекта «Возвращенные имена» / сост. и вступ. статья В.М. Кириллова. Н. Тагил, 2002. С. 301–322.
23. Саламатова М.С. Выборы в Советской России: законодательство и практика реализации (1918–1936 г.). 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск : НГУЭУ, 2018. 340 с.
24. Красильников С.А., Саламатова М.С., Ушакова С.Н. Корни и щепки. Крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири (1930-е – начало 1950-х гг.). Новосибирск : Сова, 2008. 392 с.
25. Валуев Д.В. Лишенцы в системе социальных отношений (1918–1936 гг.): на материалах Западного региона РСФСР : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.102. Смоленск, 2003. 273 с.
26. Валуев Д.В. Лишенцы в системе социальных отношений (1918–1936 гг.) : на материалах Смоленской губернии и Западной области. Смоленск : Маджента, 2012. 155 с. (Библиотека журнала «Странник»).
27. Килин А.П. Категории граждан, лишенных избирательных прав в 1920-е годы (анализ инструкций о выборах в Советы) // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917–1980-е годы) : сб. ст. участников научной конференции «История репрессий на Урале». Н. Тагил, 1997. С. 95–105.

28. Килин А.П. Автобиография как средство реабилитации (на материалах личных дел «лишенцев») // Диалог со временем. 2018. Вып. 63. С. 267–288.
29. Мазур Л.Н. Лишение избирательных прав крестьян в 20-е – первой половине 30-х годов (по материалам личных дел) // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917–1980-е годы) : сб. ст. участников научной конференции «История репрессий на Урале». Н. Тагил, 1997. С. 105–119.
30. Русина Ю.А. Характеристика лишенных избирательных прав за связь с религиозным культом на Урале в 1920–30-е годы (по материалам личных дел) // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917–1980-е годы) : сб. ст. участников научной конференции «История репрессий на Урале». Н. Тагил, 1997. С. 119–129.
31. Фофанова Л.А. Бывшие государственные служащие Урала как жертвы репрессивной политики советской власти в 20–30-е годы // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917–1980-е годы) : сб. ст. участников научной конференции «История репрессий на Урале». Н. Тагил, 1997. С. 130–135.
32. Тихонов В.И. Структура противоречий личных дел как отражение противостояния общества и власти // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». 1996. № 17, март, спец. вып. бюллетеня: Тез. докл. и сообщ. IV конф. Ассоциации «История и компьютер», Звенигород, 15 марта – 17 марта 1996 г. / отв. ред. Л.И. Бородин. М., 1996. С. 129–131.
33. Тихонов В.И., Тяжельникова В.С., Юшин И.Ф. Лишение избирательных прав в Москве в 1920–1930-е годы. М. : Изд-во Моск. гор. объединения архивов, 1998. 256 с.
34. Смирнова Т.М. «Бывшие люди» Советской России: стратегии выживания и пути интеграции. 1917–1936 годы. М. : Мир истории, 2003. 296 с.
35. Ергина Н.М. Трагедия Мордовской деревни в отражении судеб крестьян, раскулаченных и лишенных избирательных прав в период ликвидации кулачества как класса // Экономическая история. 2016. № 2 (33). С. 56–64.
36. Панкратова О.Б., Писанов С.С. Политика лишения крестьянства избирательных прав в 20-е – 30-е годы XX века и ее последствия // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова : науч.-метод. журнал. 2018. Т. 24, № 3. С. 52–55.
37. Бахтин В.В. Лишение избирательных прав (на материалах Воронежской области) // История сталинизма: репрессированная российская провинция : материалы междунар. науч. конф., Смоленск, 9–11 октября 2011 г. / под ред. Е.В. Кодина. М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН) : Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. С. 538–546.
38. Изъюрова Н.А. Избирательное право в СССР 1918–1925 по материалам избирательных кампаний Коми // Экономика и социум. 2018. № 2 (45). С. 223–226.
39. Рупасов А.И. Лишенные избирательных прав в Ленинграде в 1920-е гг. // Петербургский исторический журнал. 2019. № 2 (22). С. 285–295.
40. Серокурова Л.А. Политико-правовые аспекты лишения избирательных прав граждан Крымской АССР в 1920-е гг. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2010. № 1. С. 76–84.
41. Кожаяева А.А. Мотивации сельских «лишенцев» в Западной Сибири, ходатайствовавших о восстановлении в избирательных правах (1928–1936 годы) // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых : сб. материалов междунар. молодежной науч. школы-конф., Новосибирск, 23–25 сентября 2021 г. Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2021. С. 124–135.
42. Кожаяева А.А. Тактики торговцев г. Новосибирска в борьбе за восстановление в избирательных правах (1926–1936 гг.) // Серовские чтения 2022 : материалы всерос. науч. конф., посвящ. памяти выдающегося ученого Д.Ол. Серова (1963–2019), Новосибирск, 27–28 октября 2022 г. / отв. ред. М.С. Саламатова, Ю.И. Узбекова. Новосибирск : НГУЭУ, 2023. С. 240–249.
43. Москаленская Д.Н. Тактики поведения священно- и церковнослужителей-«лишенцев» Западной Сибири в борьбе за восстановление в правах (середина 1920-х – середина 1930-х годов) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2013. Т. 12, вып. 8. С. 134–138.
44. Петин Д.И. Личное дело лица, лишенного избирательных прав, как информационный комплекс в практической генеалогии (на примере судьбы кадрового офицера русской императорской армии М.К. Гомбинского) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2017. № 3. С. 22–26.

References

1. Ivanchenko, A.V. (ed.) (2008) *Vybory v I–IV Gosudarstvennye dумы Rossiyskoy imperii (Vospominaniya sovremennikov. Materialy i dokumenty)* [Elections to the I–IV State Duma of the Russian Empire (Memoirs of contemporaries. Materials and documents)]. Moscow: RTsOIT.
2. Russian Provisional Government. (1917) *Sobranie zakonov i postanovleniy, izdavaemoe pri Pravitel'stvuyushchem senate* [Collected laws and regulations issued by the Governing Senate]. 111.
3. RSFSR. (1917–1918). *Sobranie zakonov i rasporyazheniy Rabochego i Krest'yanskogo pravitel'stva* [Collected laws and regulations of the Workers' and Peasants' Government]. 15.
4. Vyshinskiy, A.Ya. (ed.) (1940) *Konstitutsii i konstitutsionnye akty RSFSR (1918–1937)* [Constitutions and constitutional acts of the RSFSR (1918–1937)]. Moscow: Vedomosti Verkhovnogo Soveta RSFSR.
5. Krasilnikov, S.A. (1998) *Na izlomakh sotsial'noy struktury: marginaly v poslerevolutsionnom rossiyskom obshchestve (1917 – konets 1930-kh godov)* [At the Breaks in the Social Structure: Marginals in Post-Revolutionary Russian Society (1917 – Late 1930s)]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
6. Vladimirovskiy, M.F. (1921) *Organizatsiya sovetskoy vlasti na mestakh* [Organization of Soviet Power at the Local Level]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo.
7. Brodovich, S.M. (1925) *Sovetskoe izbiratel'noe pravo* [Soviet electoral law]. Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo.
8. Krupskaya, N.K. (1918) *Konstitutsiya Rossiyskoy Sotsialisticheskoy Federativnoy Sovetskoy Respubliki* [Constitution of the Russian Socialist Federative Soviet Republic]. Moscow: All-Russian Central Executive Committee of Soviets of Workers, Villages, Candidates, and Candidates of Deputies.
9. Glebov-Avilov, N.P. (1918) *Nash osnovnoy zakon: raz'yasnenie Konstitutsii Rossiyskoy Sotsialisticheskoy Federativnoy Sovetskoy Respubliki* [Our Basic Law: Explanation of the Constitution of the Russian Socialist Federative Soviet Republic]. Moscow: All-Russian Congress of Soviets of Workers', Soldiers', Peasants' and Cossack Deputies.
10. Dranitsyn, S.N. (1924) *Konstitutsiya SSSR i RSFSR v otvetakh na voprosy* [The Constitution of the USSR and the RSFSR in answers to questions]. Leningrad: Priboy.
11. Gurchik, G.S. (1923) *Istoriya Sovetskoy Konstitutsii* [The History of the Soviet Constitution]. Moscow: Izd. Sotsialisticheskoy akad..
12. Belyakov, G.E. (1965) *Iz istorii sovetskogo stroitel'stva v Tadzhikistane: (Izбирatel'naya kampaniya 1930–1931 gg.)* [From the history of the Soviet construction in Tajikistan: (Election campaign of 1930–1931)]. *Izvestiya Akademii nauk Tadzhikskoy SSR. Otdelenie obshchestvennykh nauk*. 1. pp. 26–34.
13. Kim, A.I. (1956) *Pervaya sovetskaya konstitutsiya i printsip vseobshchikh vyborov dlya trudyashchikhsya* [The first Soviet Constitution and the principle of general elections for workers]. In: Buntin, A.P. (ed.) *Trudy Tomskogo gosudarstvennogo universiteta im. V.V. Kuybysheva. Ser. Yuridicheskaya* [Works of V. V. Kuibyshev Tomsk State University. Law]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 3–38.
14. Kim, A.I. (1965) *Sovetskoe izbiratel'noe pravo : voprosy teorii izbiratel'nogo zakonodatel'stva i praktiki ego primeneniya* [Soviet Electoral Law: Issues of the Theory of Electoral Legislation and the Practice of Its Application]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
15. Morozov, L.F. (1960) *Reshayushchiy etap bor'by s nepmanskoy burzhuaziey (1926–1929 gg.)* [The decisive stage of the struggle against the NEPman bourgeoisie (1926–1929)]. Moscow: VPSH i AON.

16. Filimonov, V.G. (1960) *Pervaya sovetskaya Konstitutsiya* [The First Soviet Constitution]. Moscow: Gosyurizdat.
17. Ivnitkiy, N.A. (1972). *Klassovaya bor'ba v derevne i likvidatsiya kulachestva kak klassa* [The Class Struggle in the Countryside and the Elimination of the Kulaks as a Class]. Moscow: Nauka.
18. Kukushkin, Yu.S. & Chistyakov, O.I. (1980) *Ocherk istorii Sovetskoy Konstitutsii* [An essay on the history of the Soviet Constitution]. Moscow: Politizdat.
19. Dobkin, A.I. (1992) Lishentsy 1918–1938 gg. [The Disenfranchised of 1918–1938]. In: Dobkin, A.I. et al. (eds) *Zven'ya. Istoricheskiy al'manakh* [Links. Historical Almanac]. Vol. 2. Moscow; St. Petersburg: Feniks: Atheneum. pp. 600–628.
20. Manykin, V.A. (1993) Lichnye dela lits, lishennykh izbiratel'nykh prav: issledovatel'skie perspektivy i vozmozhnosti [Personal files of non-voters: research perspectives and opportunities]. In: Muraviev, V.A. (ed.) *Istochnikovedenie XX stoletiya* [Source Studies of the 20th Century]. Moscow: [s.n.]. pp. 136–137.
21. Salamatova, M.S. (1996) Lishenie izbiratel'nykh prav v Novosibirsk v 1927–1936 gg. [Deprivation of voting rights in Novosibirsk in 1927–1936]. In: Eremina, L.S. & Zhemkova, E.B. (eds) *Korni travy* [The Grass Roots]. Moscow: Zven'ya. pp. 9–23.
22. Salamatova, M.S. (2002) Kratkiy obzor massovykh istochnikov, sodержashchikh svedeniya o lishennykh izbiratel'nykh prav (1926–1936) [A brief overview of mass sources containing information about the deprivation of voting rights (1926–1936)]. In: Kirillova, N.M. (ed.) *Materialy k seminar-treningam: sb. materialov dlya uchastnikov partnerskoy seti proekta "Vozvrashchennyye imena"* [Materials for Seminar-Trainings: Collection of Materials for Participants in the Partner Network of the "Returned Names" Project]. Nizhny Tagil: [s.n.]. pp. 301–322.
23. Salamatova, M.S. (2018) *Vybory v Sovetskoy Rossii: zakonodatel'stvo i praktika realizatsii (1918–1936 g.)* [Elections in Soviet Russia: Legislation and Implementation Practices (1918–1936)]. 2nd ed. Novosibirsk: NGUEU.
24. Krasilnikov, S.A., Salamatova, M.S. & Ushakova, S.N. (2008) *Korni i shchepki. Krest'yanskaya sem'ya na spetsposelenii v Zapadnoy Sibiri (1930-e – nachalo 1950-kh gg.)* [Roots or Wood Chips. A Peasant Family in a Special Settlement in Western Siberia (1930s – Early 1950s)]. Novosibirsk: Sova.
25. Valuev, D.V. (2003) *Lishentsy v sisteme sotsial'nykh otnosheniy (1918–1936 gg.): na materialakh Zapadnogo regiona RSFSR* [Non-voters in the system of social relations (1918–1936): Based on the materials of the Western Region of the RSFSR]. History Cand. Diss. Smolensk.
26. Valuev, D.V. (2012) *Lishentsy v sisteme sotsial'nykh otnosheniy (1918–1936 gg.): na materialakh Smolenskoys gubernii i Zapadnoy oblasti* [Non-voters in the system of social relations (1918–1936) (a case study of the Smolensk Province and the Western Region)]. Smolensk: Madzhenta
27. Kilin, A.P. (1997) Kategorii grazhdan, lishennykh izbiratel'nykh prav v 1920-e gody (analiz instruktsiy o vyborakh v Sovety) [Categories of citizens deprived of voting rights in the 1920s (an analysis of instructions on elections to the Soviets)]. In: *Istoriya repressiy na Urale: ideologiya, politika, praktika (1917–1980-e gody)* [History of repressions in the Urals: ideology, politics, practice (1917–1980s)]. Nizhny Tagil: [s.n.]. pp. 95–105.
28. Kilin, A.P. (2018) Avtobiografiya kak sredstvo reabilitatsii (na materialakh lichnykh del "lishentsev") [Autobiography as a means of rehabilitation (based on materials from the personal files of "disenfranchised")]. *Dialog so vremenem*. 63. pp. 267–288.
29. Mazur, L.N. (1997) Lishenie izbiratel'nykh prav krest'yan v 20-e – pervoy polovine 30-kh godov (po materialam lichnykh del) [The deprivation of voting rights of peasants in the 1920s – the first half of the 1930s (based on personal files)]. In: *Istoriya repressiy na Urale: ideologiya, politika, praktika (1917–1980-e gody)* [History of repressions in the Urals: ideology, politics, practice (1917–1980s)]. Nizhny Tagil: [s.n.]. pp. 105–119.
30. Rusina, Yu.A. (1997) Kharakteristika lishennykh izbiratel'nykh prav za svyaz' s religioznym kul'tom na Urale v 1920–30-e gody (po materialam lichnykh del) [Characteristics of Those Disenfranchised for Connection with a Religious Cult in the Urals in the 1920s–1930s (Based on Personal Files)]. In: *Istoriya repressiy na Urale: ideologiya, politika, praktika (1917–1980-e gody)* [History of repressions in the Urals: ideology, politics, practice (1917–1980s)]. Nizhny Tagil: [s.n.]. pp. 119–129.
31. Fofanova, L.A. (1997) Byvshie gosudarstvennye sluzhashchie Urala kak zhertvy repressivnoy politiki sovetskoy vlasti v 20–30-e gody [Former civil servants of the Urals as victims of the repressive policy of the Soviet government in the 1920–30s]. In: *Istoriya repressiy na Urale: ideologiya, politika, praktika (1917–1980-e gody)* [History of repressions in the Urals: ideology, politics, practice (1917–1980s)]. Nizhny Tagil: [s.n.]. pp. 130–135.
32. Tikhonov, V.I. (1996) Struktura protivorechii lichnykh del kak otrazhenie protivostoyaniya obshchestva i vlasti [The structure of contradictions of personal affairs as a reflection of the confrontation between society and government]. In: Borodkin, L.I. (ed.) *Informatsionnyy byulleten' Assotsiatsii "Istoriya i komp'yuter"* [Information bulletin of the Association "History and Computer"]. Moscow: [s.n.]. pp. 129–131.
33. Tikhonov, V.I., Tyazhelnikova, V.S. & Yushin, I.F. (1998) *Lishenie izbiratel'nykh prav v Moskve v 1920–1930-e gody* [Deprivation of Voting Rights in Moscow in the 1920s and 1930s]. Moscow: Moscow City Association of Archives.
34. Smirnova, T.M. (2003) *"Byvshie lyudi" Sovetskoy Rossii: strategii vyzhivaniya i puti integratsii. 1917–1936 gody* ["Former People" of Soviet Russia: Survival Strategies and Paths to Integration. 1917–1936]. Moscow: Mir istorii.
35. Ergina, N.M. (2016) Tragediya Mordovskoy derevni v otrazhenii sudeb krest'yan, raskulachennykh i lishennykh izbiratel'nykh prav v period likvidatsii kulachestva kak klassa [The tragedy of the Mordovian village reflects the fate of the peasants, dispossessed and disenfranchised during the liquidation of the Kulaks as a class] *Ekonomicheskaya istoriya*. 2(33). pp. 56–64.
36. Pankratova, O.B. & Pisanov, S.S. (2018) Politika lisheniya krest'yanstva izbiratel'nykh prav v 20-e – 30-e gody XX veka i ee posledstviya [The policy of depriving the peasantry of voting rights in the 1920s – 1930s and its consequences]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova*. 3. pp. 52–55.
37. Bakhtin, V.V. (2011) Lishenie izbiratel'nykh prav (na materialakh Voronezhskoy oblasti) [The deprivation of voting rights (based on the materials of the Voronezh Region)]. In: Kodina, E.V. (ed.) *Istoriya stalinizma: repressirovannaya rossiyskaya provintsiya* [History of Stalinism: Repressed Russian Province]. Moscow: ROSSPEN. pp. 538–546.
38. Izyurova, N.A. (2018) Izbiratel'noe pravo v SSSR 1918–1925 po materialam izbiratel'nykh kampaniy Komi [Electoral law in the USSR in 1918–1925 based on the materials of the Komi election campaigns]. *Ekonomika i sotsium*. 2(45). pp. 223–226.
39. Rupasov, A.I. (2019) Lishennyye izbiratel'nykh prav v Leningrade v 1920-e gg. [The deprivation of voting rights in Leningrad in the 1920s]. *Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal*. 2(22). pp. 285–295.
40. Serokurova, L.A. (2010) Politiko-pravovyye aspekty lisheniya izbiratel'nykh prav grazhdan Krymskoy ASSR v 1920-e gg. [Political and legal aspects of deprivation of voting rights of citizens in the Crimean ASSR in the 1920s]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 8. Istoriya*. 1. pp. 76–84.
41. Kozhaeva, A.A. (2021) Motivatsii sel'skikh "lishentsev" v Zapadnoy Sibiri, khodataystvovavshikh o vosstanovlenii v izbiratel'nykh pravakh (1928–1936 gody) [Motivations of rural persons deprived of voting rights in Western Siberia who applied for restoration of voting rights in 1928–1936]. *Aktual'nye problemy istoricheskikh issledovaniy: vzglyad molodykh uchenykh* [Topical Problems of Historical Research: Young scientists' perspective]. Proc. of the Conference. Novosibirsk, September 23–25, 2021. Novosibirsk: Novosibirsk: Institute of History SB RAS. pp. 124–135.
42. Kozhaeva, A.A. (2023) Taktiki torgovtsev g. Novosibirsk v bor'be za vosstanovlenie v izbiratel'nykh pravakh (1926–1936 gg.) [Tactics of Novosibirsk Traders in the Struggle for Restoration of Electoral Rights (1926–1936)]. In: Salamatova, M.S. & Uzbekova, Yu.I. (eds) *Serovskie chteniya 2022* [The Serov Readings 2022]. Novosibirsk: NSUEU. pp. 240–249.
43. Moskalenskaya, D.N. (2013) Taktiki povedeniya svyashchennno- i tserkovnosluzhiteley-«lishentsev» Zapadnoy Sibiri v bor'be za vosstanovlenie v pravakh (seredina 1920-kh – seredina 1930-kh godov) [Tactics of Behavior of the "Disenfranchised" Clergy and Servants of Western Siberia in the Struggle for Restoration of Rights (mid-1920s – mid-1930s)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya, filologiya*. 12. 12. pp. 134–138.
44. Petin, D.I. (2017) Lichnoe delo litsa, lishennogo izbiratel'nykh prav, kak informatsionnyy kompleks v prakticheskoy genealogii (na primere sud'by kadrovogo ofitsera russkoy imperatorskoy armii M.K. Gombinskogo) [The personal file of a non-voter as an information complex in practical genealogy (a case study of a career officer of the Russian Imperial Army, M.K. Gombinsky)]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*. 3. pp. 22–26.

Сведения об авторе:

Кожеева Альбина Алексеевна – аспирант кафедры отечественной истории, ассистент кафедры истории, культуры и искусств Гуманитарного института Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия). E-mail: a.kozhaeva18@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Kozhaeva Albina A. – PhD Student at the Department of Russian History, Assistant at the Department of History, Culture, and Arts of the Institute for the Humanities of Novosibirsk State University of Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia). E-mail: a.kozhaeva18@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.02.2024; принята к публикации 01.07.2024

The article was submitted 27.02.2024; accepted for publication 01.07.2024